

## ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АФРИКАНИСТОВ

*Давидсон Аполлон Борисович — действительный член РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).*

*E-mail: adavidson@yandex.ru*

**Аннотация.** В статье рассмотрены следующие вопросы. Почему и как возникла и существовала в Москве африканистика (конец 1920-х—1937 год). Кто были первые африканисты, и какова была их деятельность. Как и почему в 1937 г. трагически завершился этот период. Какие уроки сейчас из этого можно извлечь.

Увы, никто из тогдашних африканистов не опубликовал воспоминаний — кроме венгра Эндре Шика, который в мемуарах, изданных в Венгрии в 1970 г. на венгерском языке, уделил тому периоду своей жизни небольшое место.

Этот период не только завершился трагически, но и был десятилетиями предан забвению.

Статья основана на архивных документах и на сведениях, которые сообщили ее автору африканисты того времени — Э. Шик и А. З. Зусманович, Мозес Катане и Джон Маркс. В ней рассматривается история африканских исследований в рамках Коминтерна, в том числе первая Программа по изучению проблем Африки 1929 г. и деятельность кафедры Африки при Коммунистическом университете трудящихся Востока Африканского кабинета при Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. Особое внимание уделяется личным судьбам первых отечественных африканистов.

История начального периода отечественной африканистики убедительно показывает, как направления исторических, социальных и политических исследований могли по решениям советских властей создаваться и исчезать, причем настолько, что пропадала даже память о них.

**Ключевые слова:** СССР, африканские исследования, Коминтерн, Э. Шик, А. З. Зусманович.

**A. B. Davidson**

### **The First Generation of Domestic Africanists: Birth, Death and Leaving**

*Apollon Davidson, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, the National Research University Higher School of Economics, Moscow State University (Moscow, Russia).*

*E-mail: adavidson@yandex.ru*

**Abstract.** This article covers the following issues. The reasons why and how the African studies were born and existing in Moscow (late 1920th — 1937). Who were the first researchers for African studies and in what activities they were involved. How and what was the reason why this epoch came to an end tragically in 1937. What lessons could be learned today from that tragedy.

Alack, no one of those researchers for African studies published the memoirs, except Endre Sik who devoted to that period of his life a small part of his memoirs published in Hungary in 1970.

Not only that length of time had a tragic end, but it was also banished to oblivion for the decades.

The article is founded on the documents from archives and evidences which were delivered to its author by the Africanists of that epoch — E. Sik and A. Z. Zusmanovich. The author examines the history of African studies in the framework of the Comintern, including the first Program for the study of African problems (1929) and the activities of the Department of Africa at the Communist University of the Toilers of the East and of the African Cabinet at the Research Association for the study of national and colonial problems. Special attention is paid to the personal fates of the first Russian Africanists.

The history of the early period of Russian African studies convincingly shows how new directions in historical, social or political studies could be created and disappeared by the decisions of Stalin's authorities to such extent that even the memory of them was lost.

*Keywords:* USSR, African studies, Comintern, Endre Sik, Alexander Zusmanovich.

В этом году исполняется 90 лет с момента провозглашения первой программы отечественной африканистики. С этой датой связано начало систематического изучения Черной (Тропической и Южной) Африки в нашей стране.

История начального периода отечественной африканистики убедительно показывает, как направления научных исследований могли по решениям сталинских властей создаваться и исчезать, причем настолько, что пропадала даже память о них.

Что я знал об отечественных африканистах в мои студенческие годы, с конца 1940-х и вплоть до конца 1956-го? Что в Ленинграде есть небольшая группа во главе с Дмитрием Алексеевичем Ольдерогге (1903–1987), занимающаяся изучением африканских языков. И еще три человека, которые изучают отдельные проблемы истории Черной Африки — не по заданиям «сверху», а по своей доброй воле. У них-то я и хотел набираться знаний. Но их занятия прервались, когда я был еще первокурсником и только еще начал интересоваться Африкой. Михаила Борисовича Рабиновича арестовали и сослали. Владимир Яковлевич Голант в начале 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию, но совсем вскоре защиту отменили. Аспирант Александр Лазаревич Витухновский в начале 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию, но его сразу же направили на работу в Петрозаводск, где продолжить исследования он уже не мог.

Знал я, что в Москве Иван Изосимович Потехин (1903–1964), демобилизовавшись из армии, в конце 1940-х организовал в Институте этнографии АН СССР маленькую группу, всего несколько человек, для изучения Черной Африки. И что в Москве изучает современные проблемы Южной Африки экономист Ирина Павловна Ястребова.

Обо всех этих людях я знал. И считал, что с них-то африканистика и началась — всего за несколько лет до того, как я узнал о них. Никто из них ни словом не обмолвился о том, что было прежде.

Впервые о ранней истории отечественной африканистики я услышал лишь в конце 1956-го. Вышел из заключения Александр Захарович Зусманович (1902–1965). С ноября 1956-го мы работали с ним вместе в только что созданном Отделе Африки Института востоковедения АН СССР. И от него я впервые услышал, что африканистика возникла в Москве почти три десятилетия тому назад. И что он, Зусманович, в 1934–1935 гг. руководил уже существовавшим тогда Отделом Африки. Правда, говорил он об этом очень осторожно, поначалу вообще недомолвками. Да и потом — неохотно, с опаской. Полного впечатления о происходившем когда-то я так и не получил.

Оказалось, что с Зусмановичем работал и Потехин. Но Потехин никогда в разговорах с нами об этом не упоминал.

Намного подробнее о том времени рассказал мне венгр Эндре Шик (1891–1978). Он попал в Россию во время Первой мировой войны, оказавшись в русском плену как военнопленный австро-венгерской армии. По своей воле остался в нашей стране. У нас его называли: Андрей Александрович Шийк. Он стал у нас одним из первых

африканистов. Не могу не сказать об этом человеке. Он играл большую роль в годы зарождения нашей африканистики.

Вернувшись на родину после Второй мировой войны, он был даже министром иностранных дел. Уйдя в отставку, возобновил изучение истории Африки и завершил начатую им в Москве огромную «Историю Черной Африки». Довел ее до четырех объемных томов и издал не только на венгерском, но и на английском, и французском.

Очевидно, венгры были удивлены, почему труд Шика, изданный даже на английском и французском, не выходит на русском. Хотя основа его была сделана в России. Шик готовился к защите диссертации в Москве в середине сентября 1945 г. (разумеется на русском языке). Защита не состоялась: потому что 1 сентября 1945 г. Шика отозвали на родину, в Венгрию, — он оказался там очень нужен. Но почему же весь его труд, расширенный и доработанный, так и не издан в России? Это венгров удивляло.

Кончилось тем, что президент Венгерской Республики обратился с этим вопросом к Хрущеву. И издательство «Прогресс», одно из крупнейших тогда советских издательств, получило от Хрущева задание: опубликовать.

Издательство попросило меня написать отзыв на труд Шика. При этом мне дали понять, что этот четырехтомник, конечно, будет опубликован. Но по издательским правилам отзыв нужен, к тому же, может быть, нужен будет какой-то комментарий для русского издания.

В связи с подготовкой выхода его книги в Москве приехал и сам Эндре Шик в октябре 1964 г. Меня немедленно позвали на встречу с ним в гостинице ЦК КПСС, где он остановился. Вот это и дало мне возможность услышать от него историю зарождения нашей африканистики.

В нашем разговоре он в какой-то момент сказал мне: «Я министр “холодной войны” и этого я понять не могу». Но так было при первой встрече. В дальнейшем — а мы целую неделю встречались почти каждый день — у нас было полное взаимопонимание.

Говорили мы о его книгах. Он дал мне понять, что больше трудиться над ними он не будет, устал. Критику все же выслушал. И даже был не против, если я выскажу ее в своей рецензии.

Но для меня самым интересным были и его воспоминания о жизни в нашей стране, и о судьбе ранних африканистских исследований.

А в его судьбе чего только не было! В 1917 г. он в отличие от других австро-венгерских военнопленных решил не возвращаться домой, а остаться в большевистской России. Работал в созданной большевиками Дальневосточной Республике. Был востребован в организациях Коминтерна. Преподавал в коминтерновских университетах еще с середины 1920-х (даже афро-американцам и африканцам). Подготовил первую программу советской африканистики. В 1937-м сидел на Лубянке, правда, очень недолго. Ему посчастливилось выжить в отличие от ряда его коллег. Потом работал в Институте истории и Институте этнографии. Вместе с лучшими советскими востоковедами стал автором «Истории колониальных и зависимых стран» — и именно ему доверили писать раздел об истории Африки. Все это он мне тогда рассказал.

Но его «Историю Черной Африки» так и не издали. Ее готовили издать в 1964 г. В связи с этим и приезжал Шик. Но 14 октября Хрущева сняли со всех его постов. И его указания утратили силу. В том числе и о трудах Шика.

\* \* \*

...Мне тогда, в середине 1960-х, повезло не только встречами с Шиком.

Хоть как-то понять раннюю историю нашей африканистики нельзя без коминтерновских документов — ведь первый центр африканистики был создан в системе коминтерновской организации. И вдруг мне каким-то чудом удалось получить доступ в накрепко закрытый архив Коминтерна. Разумеется, при первом же моем появлении

там мне было сказано, что дадут мне лишь малую часть того, что я попрошу. Что и на нее ссылаться будет нельзя. А мою тетрадь со своими выписками я должен сдавать на просмотр, и из нее будут выстригать очень многое.

Но все-таки какое-то знакомство с документами я получил.

А как быть потом? Ссылаться на архив запретили. Как же писать в своих статьях о том, что я узнал? Ведь редактор обязательно спросит: «Откуда Вы это взяли?».

Совет я получил от одного из своих более опытных друзей. Он сказал:

— Когда Вы пишете о том, что до Вас еще никто не знал, начинайте со слов «Как известно». Тогда редактор решит: «Ну я-то не знаю, но должно быть это что-то известное». И разрешит опубликовать.

Я этот совет принял, так и делал.

И все же публиковать что-либо, связанное с Коминтерном, было очень трудно. Приведу один пример. В 1968 г. мои друзья из Института востоковедения посоветовали мне расспросить китаиста Марка Исааковича Казанина, который преподавал в коминтерновских учебных заведениях в 1927–1937 гг.

Жил он в соседнем доме. Так что, казалось, повидать его будет легко. Но когда я ему позвонил и объяснил характер своих вопросов, он весьма сухо ответил, что о возможности встречи сообщит сам.

Позвонил лишь через полторы недели. Предложил зайти. Когда я пришел, он объяснил свою осторожность:

— Мне нужно было навести справки о вас.

Затем продиктовал отрывки своих воспоминаний. И, прощаясь, сказал:

— Я этого не успею опубликовать. Думаю, что и Вы не сможете, хотя Вы и много можете.

\* \* \*

Вплоть до своей кончины (в 1978 г.) Шик аккуратно, без задержек отвечал на вопросы, которые я задавал ему в письмах. Но в письмах он был осторожней, чем в разговорах. Старался сообщать факты, но не давать оценок.

К сожалению, мне пришлось еще раз убедиться в том, что его осторожность имела основания, когда узнал, чем кончилась его попытка опубликовать воспоминания о работе в Коминтерне.

Шик долго колебался — писать, не писать. Советовался с лидерами венгерских коммунистов. Он хорошо их знал. Был старше их всех. Ему предложили: ограничиться лишь судьбами венгерских коммунистов в СССР, а то, не дай Бог, прогневаются блюститель идеологии Суслов и из Москвы грянут громы и молнии.

Шик так и сделал. Писал предельно осторожно, всячески смягчая краски. Правда, назвал книгу: «Ветер лист гоняет»<sup>1</sup>. По-русски сказали бы: «Лес рубят — щепки летят». В разговорах со мной он описывал судьбу венгров, да и вообще коммунистических эмигрантов в Москве, куда трагичней.

Но на рубеже 1980–1990-х годов архив Коминтерна открыли (хотя, может быть, и не полностью). Появилась возможность работать с этими документами, как раньше и не мечталось. Мы опубликовали на русском языке том «Коминтерн и Африка. Документы»<sup>2</sup>, а на английском (издано в Лондоне) двухтомник «Южная Африка и Коммунистический Интернационал. Документальная история»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> *Sik E. Vihar a levelet...* Budapest, 1970.

<sup>2</sup> Коминтерн и Африка. Документы. Сост. В. Городнов, отв. ред. А. Давидсон. СПб., 2003.

<sup>3</sup> *South Africa and the Communist International: A Documentary History. V. I. Socialist Pilgrims to Bolshevik Footsoldiers, 1919–1930; V. II. Bolshevik Footsoldiers to Victims of Bolshevisation, 1931–1939. With I. Filatova, V. Gorodnov, S. Johns.* London, 2003.

Открывшийся доступ к документам Коминтерна помогает понять подлинную историю африканистики, поскольку правительство СССР создавало ее в системе коминтерновских организаций. Лично мне к тому же помогли беседы с южноафриканцами Мозесом Котане и Джоном Марксом. Они в начале 1930-х учились в Москве у наших тогдашних африканистов, а в начале 1960-х приехали снова и долго были в Москве.

Конечно, многого в истории тогдашней африканистики уже не восстановить. Удар Сталина по Коминтерну в 1937 г. пришелся и на все его организации. Ликвидировались не только они, но и сама память обо всем, что связано с Коминтерном. Многие ли помнят теперь, что важнейшая советская радиостанция называлась радиостанцией Коминтерна? И даже, что московская улица, ведущая от Арбатской площади к Кремлю, называлась улицей Коминтерна?

Я смолоду не был сторонником каких-либо коммунистических идей и организаций. Но они — важная часть нашей истории. Африканистика, во всяком случае большая ее часть, возникла под знаменем этих идей. Поэтому, чтобы знать наше общее прошлое, надо знать историю коминтерновских организаций, созданных как носители этих идей. Они в ленинские времена и вплоть до середины 1930-х распространяли влияние Москвы по всему миру.

\* \* \*

Африканцы приезжали в Москву с начала 1920-х: представители Коммунистической партии Южной Африки, созданной в 1921 г., и несколько африканцев, приехавших для учебы в коминтерновских университетах.

В начале 1920-х годов в Коминтерне было сформировано негритянское бюро. Еще в 1922 г. обсуждался вопрос о создании Колониального бюро. Африканские вопросы были включены в сферу Англо-американского и Восточного секретариатов (или, как принято было их называть в Коминтерне, где господствующим иностранным языком был немецкий, лендерсекретариатов). Создавались «негритянские комиссии» — было стремление объединять африканские проблемы с афро-американскими.

Событием стало создание Антиимпериалистической лиги. Собственно, лига так никогда и не стала особенно действенным органом. Но конгресс, на котором она была создана, состоявшийся в Брюсселе в феврале 1927-го, оказался событием заметным. В нем приняли участие многие деятели Востока, ставшие потом лидерами крупных антиколониальных движений. Были и африканцы. Среди них сенегалец Ламин Сенгор. Но все же вплоть до конца 1920-х в Коминтерне вопрос об Африке возникал редко.

В манифесте Коминтерна, принятом его учредительным конгрессом в 1919 г., провозглашалось: «Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата разных стран Европы, Америки и Азии»<sup>4</sup>. Об Африке речи не было.

Перелом наступил в 1928-м. Это было время укрепления Сталина у власти, начало резкого обострения как внутренних, так и внешнеполитических проблем СССР.

Все это ярко проявилось на VI конгрессе Коминтерна (17 июня — 1 сентября 1928 г.). Этот конгресс определил тактическую линию компартий, исходя из перспективы всемирной пролетарской революции. Разрабатывалась тактика нанесения ударов по тылам западного империализма, одним из которых считалась Африка.

В 1928-м в Профинтерне создали Международный профсоюзный комитет негритянских рабочих. Он должен был действовать от лица африканцев США, черного населения Вест-Индии и «Черной Африки».

---

<sup>4</sup> Манифест Коммунистического Интернационала. — Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933, с. 53.

\* \* \*

Что считать точкой отсчета для истории отечественной африканистики? Конечно, можно без конца спорить. Скорее всего, это ее программа, провозглашенная 13 апреля 1929 г. как доклад в Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП) — на первом организационном собрании кружка по изучению социально-экономических проблем Черной Африки.

Этот кружок был, очевидно, первой, зачаточной формой объединения тех, кого привлекало изучение Африки. А доклад-программа назывался: «К постановке марксистского изучения социально-экономических проблем “Черной Африки”». Сделал его Э. Шик. Доклад затем опубликовали — «в порядке обсуждения» — в журнале «Революционный Восток» (1930, № 8).

Сейчас, через 90 лет, конечно легко критиковать эту программу. Но без нее невозможно понять, с чего началась африканистика. И, как ни суди, это важный документ для того времени, тщательно продуманный. В нем рассмотрены отнюдь не только социально-экономические проблемы, но и политические, и, особенно развернуто, исторические.

Программа обширная. Сначала, как и было тогда положено, говорится «об огромном значении Черной Африки для империализма и тем самым и для мировой революции».

Пересказ программы занял бы много места. Но чтобы дать представление, приведу ту часть, где говорится о темах, которые подлежат исследованию «в первую очередь»:

- «1. Основные этапы в истории Черной Африки.
2. Этнические и национальные группы и их взаимоотношения в Черной Африке.
3. Хозяйственные уклады и формы в Черной Африке, история их развития, их настоящее состояние и тенденция их дальнейшего развития.
4. Классовая дифференциация черно-африканских стран.
5. Черная Африка как объект конкурентной борьбы империалистических держав:
  - а) Черная Африка как рынок сырья и сбыта и сфера для вложения капиталов;
  - б) столкновения империалистических интересов в Черной Африке.
6. Формы и методы империалистического угнетения и эксплуатации в Черной Африке.
7. Освободительные движения и организации угнетенных народов Черной Африки».

И затем:

«После того, как эта предварительная работа по выяснению этих основных общих вопросов будет проделана, можно будет приступить к подробной разработке отдельных конкретных тем по двум линиям:

1. По линии исследования тех же самых вопросов в отношении отдельных стран, или групп стран (примерно: “Формы и методы империалистической эксплуатации во Французском Конго” или “Классовая дифференциация в Британской Западной Африке”).

2. По линии расчленения этих общих тем на их составные части, например: “Англо-французское соперничество в Черной Африке до империалистической войны”, или “Немецкий империализм в Черной Африке” (к общей теме № 1), “Капитализм в земледелии Черной Африки” (к теме № 3), “Туземная буржуазия в Черной Африке” (к теме № 4), “Рабочее движение в Черной Африке” (к теме № 7) и т.п.»

Почему первую программу отечественной африканистики написал и произнес венгр Эндре Шик? Или, вернее, почему именно ему доверили составить ее и произнести?

Может быть, потому, что выбор был очень невелик — тех, кто уже как-то проявил и свой научный интерес к Африке, было всего несколько человек. К тому же у Шика

был опыт — он в 1924 г. преподавал в коминтерновском Коммунистическом университете трудящихся Востока. И был опыт, приобретенный еще на родине, в Венгрии. У него было университетское образование. Да и немалый жизненный опыт. Он родился в 1892-м, был старше тех, кто в СССР тогда изучал Африку.

Мы, африканисты, проводим конференции, посвященные памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге и Ивана Изосимовича Потехина. Оба они внесли вклад в историю отечественной африканистики. Но следует уважать и тех, кто начал вместе с ними и даже до них. К сожалению, этим людям, этим ученым мы не уделяли того внимания, которого они заслуживают.

Вот передо мной первая книга, которую написал Иван Изосимович (в соавторстве с Александром Захаровичем Зусмановичем и южноафриканцем Альбертом Нзулой)<sup>5</sup>. На экземпляре книги, который хранится у меня, надпись: «т. Шийку — многострадальному африкановеду от начавших. А. Зусманович, Потехин. 17.X.33». Этот экземпляр через много лет, в 1960-х, подарил мне Э. Шик. Значит, тогда Зусманович и Потехин считали себя начинающими, а его — опытным, уже «многострадальным».

И действительно, у Шика в те годы были уже работы по Африке (прежде всего о ее аграрных проблемах)<sup>6</sup>, и изданная в 1930 г. книга о расовых проблемах человечества<sup>7</sup>. В ней рассмотрены известные тогда расовые теории, расовый вопрос как социальная проблема и даже совсем уж новое — «национальная идеология угнетенных наций и ее взаимоотношения с классовой идеологией». Труд объемный (396 страниц). Одна лишь библиография, перечень литературы на западных языках — 26 страниц.

А почему Потехин и Зусманович назвали автора «многострадальным»? Потому что его труды, в первую очередь эта книга, вызвали бурные дискуссии. Кому-то из тогдашних «выдвиженцев» они казались слишком уж сложными.

Вот один из отзывов тех лет на труды Шика. «Шийк хочет материалистически объяснить расовые различия и доказать, что по существу все люди — люди. Но, спрашивается, насколько целесообразно у нас, в СССР, печатать книгу, где критикуются десятки реакционных “предлогов” для эксплуатации негров? Что с предрассудками белых рабочих надо бороться, это ясно, но надо ограничиться лишь обычными, “житейскими”, предрассудками и для борьбы с ними все же лучше использовать старую литературу. Собственно говоря, доказывать и доказать, что негры — это такие же люди, не является нашей задачей. Такую задачу должна была выполнить передовая буржуазия, и она выполняла ее кое в чем. Возьмем, например, Генриетту Бичер-Стоу и др. Лучше для нашей партии найти такие сочинения и перепечатать их. Больше пользы будет от них, чем от ученой, скучной, напыщенной чепухи тов. Шийка»<sup>8</sup>.

Шик ответил: «Тут комментарии, я думаю, излишни»<sup>9</sup>.

Шик был не единственным пионером отечественной африканистики. В 1929 г. вышла книга «Империализм на Черном континенте»<sup>10</sup>, в 1931 г. — «Южно-Африкан-

<sup>5</sup> Зусманович А., Потехин И., Том Джексон. Рабочее движение и принудительный труд в негритянской Африке. М., 1933. (Том Джексон — псевдоним А. Нзулы, лидера Коммунистической партии Южной Африки).

<sup>6</sup> Шийк А. Аграрная политика империалистов в черноафриканских колониях. — Аграрные проблемы. М., 1932; *его же*. Аграрный вопрос в ЮАС. — Аграрный вопрос на Востоке. М., 1933; *его же*. Аграрный кризис в негритянской Африке. — Аграрный кризис, кн. 4. М., 1933.

<sup>7</sup> Шийк А. Расовая проблема и марксизм. М., 1930.

<sup>8</sup> Насонов Н. Расовая проблема и марксизм в понимании тов. Шийка. — Революционный Восток, 1930, № 9—10, с. 331.

<sup>9</sup> Шийк А. Замечания на «критику» т. Насонова. — Там же, с. 334.

<sup>10</sup> Юг. Империализм на Черном континенте. М., 1929.

ский Союз»<sup>11</sup> и «Британские колонии в Восточной Африке»<sup>12</sup>. В приложении к книге о Восточной Африке даны важнейшие документы британской колониальной администрации Кении, Уганды и Танганьики и даже «Циркулярное письмо У. Черчилля». Автор знал новейшую зарубежную литературу. Книги изданы под псевдонимом «Юг». Так подписывался Георгий Евгеньевич Гернгрос. У него еще до 1917 г. были возможности получить хорошее образование. Он был сыном начальника Генерального штаба Российской империи.

В 1930 г. вышла книга А. Александрова «Французские колонии в Африке» с анализом экономического положения и системы управления во всех французских владениях в Северной и Тропической Африке и на Мадагаскаре.

На рубеже 1920—1930-х годов стали изучаться не только социально-экономические проблемы Африки, но и языки африканских народов<sup>13</sup>. Зачинателями этого в Москве были Г. К. Данилов, П. С. Кузнецов, в Ленинграде — Н. В. Юшманов, Д. А. Ольдерогге, И. Л. Снегирев, Т. Л. Тютрюмова.

Эти люди могли не иметь прямого отношения к коминтерновским учреждениям и организациям. Но вплоть до середины 1930-х эти учреждения и организации пользовались через Коминтерн наибольшей поддержкой властных структур.

\* \* \*

В начале 1930-х, в коминтерновском Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) создали кафедру Африки, а в Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем — Африканский кабинет (для сбора и анализа материалов об Африке). Работа развернулась широко. Она не ограничивалась изучением политических и социально-экономических вопросов. Большое внимание уделялось и языкам. В НИАНКП создали даже Лингвистическую комиссию во главе с Г. К. Даниловым. И первая в истории нашей страны конференция африканистов — в январе 1934 г. — называлась: «Совещание по африканским языкам». Так что, хотя все это проходило под эгидой Коминтерна и под его лозунгами, все же серьезные знания об Африке накапливались, рос профессионализм.

Среди сотрудников кафедры Африки и Африканского кабинета оказывались и политемигранты из Германии, и россияне, эмигрировавшие в Южную Африку и вернувшиеся в СССР. Большую роль играли африканцы, приезжавшие на учебу в КУТВ и Международную ленинскую школу. Они не только давали уникальную информацию о положении в своих странах, но публиковали статьи — как в издававшемся под эгидой Коминтерна журнале «The Negro Worker», так и в журналах, выходивших на русском языке. Среди слушателей КУТВ были и те, кто потом стал известными африканскими лидерами. Джомо Кениата — президентом Кении после провозглашения ее независимости, Джордж Пэдмор — признанным идеологом panaфриканизма, Мозес Котане, Джон Маркс, Эдвин Мофутсаньяна — руководителями коммунистического движения Южной Африки, Банколе Авуно-Реннер — известным общественным деятелем Западной Африки.

В Африканском кабинете накапливалась свежая литература и периодика — как западная, так и африканская.

Разумеется, их работа была подчинена политической задаче, установленной сталинским режимом. Советская власть требовала искать в Африке потенциальные революционные силы. А найти их было куда как трудно. Надо было ведь знать Африку, а никто из тогдашних африканистов ее не знал. Они не имели должной подготовки,

<sup>11</sup> Юг. Южно-Африканский Союз. М., 1931.

<sup>12</sup> Юг. Британские колонии в Восточной Африке. М., 1931.

<sup>13</sup> Подробнее см.: Африканское языкознание в России. 30-е годы. М., 1999.

ни у кого из них не было профессионального образования — кафедр африканистики еще не создали ни в Москве, ни в Ленинграде. И никто из тех африканистов еще не видел Африку своими глазами. Первый, кому это удалось, стал Потехин и то только в 1957 г.

Но они были в нашей стране первыми, кто стремился понять Африку с научных позиций. И они старались по западной литературе и по знакомству с приезжавшими в Москву африканцами, разглядеть в Африке появление новых социальных и политических сил. А ведь западная африканистика концентрировала тогда внимание на изучении языков и стародавних традиций.

Можно поражаться трудолюбию и упорству тех зачинателей африканистики. Они оставили большое наследие: книги, статьи, материалы двух конференций африканистов (1934 и 1935 гг.), немалое число выращенных учеников из Южной, Восточной, Западной Африки.

\* \* \*

Но все это длилось недолго. В 1936—1937 гг. — кончилось. С Коминтерном началось, с ним и закончилось. Официально Коминтерн был распущен в 1943 г., но фактически разгромлен Сталиным еще в середине 1930-х, в годы Большого террора. Хотя, казалось бы, Коминтерн был эффективным орудием для распространения большевистских идей, но для Сталина важнее оказалось другое. Руководил Коминтерном Зиновьев, а вслед за ним Бухарин. К созданию Коминтерна имел отношение Троцкий. Да и вообще Сталин, как известно, относился с недоверием к иностранцам и к тем, кто с ними сотрудничал, а Коминтерн состоял из тех и других.

Публичным приговором Коминтерну было интервью Сталина американцу Рою Говарду 1 марта 1935 г. На вопрос Говарда: «Как обстоит дело с планами и намерениями насчет мировой революции?», Сталин, не моргнув глазом, ответил: «Никогда у нас таких планов и намерений не было»<sup>14</sup>. А ведь Коминтерн был создан и действовал по идее Ленина о мировой пролетарской революции.

Конечно, африканистика не была основной мишенью репрессий, но досталось и ей. Гонения начались еще в 1934 и 1935 гг. Тогда расстреляли и тех, кто возглавлял восточное и африканское направление в работе Коминтерна: П. А. Мифа, Л. Мадьяра, Г. И. Сафарова. Затем уничтожили Г. Е. Гернгросса, Г. К. Данилова, Н. М. Насонова и политэмигрантов из Южной Африки — братьев Рихтеров. Еще один политэмигрант из Южной Африки, Лазарь Бах, погиб в концлагере. Ф. С. Гайворонского арестовали и пытали, потом выпустили, и он погиб в первом же бою в Отечественной войне. Его жена сказала мне, что он искал смерти. Судьбу Ильзы Карловны Рихтер и немецких политэмигрантов, сотрудничавших с московскими африканистами, выяснить не удалось. Скорее всего, их постигла та же участь. Арестовали ленинградца Кирилла Николаевича Лукницкого, специалиста по проблемам Эфиопии (в середине 30-х в связи с итало-эфиопской войной им уделялось большое внимание и в политике, и в печати).

Зусмановича и Потехина в 1936 г. изгнали из КУТВ. В 1937 г. настала очередь Шика. Хотя он и до того подвергался гонениям, сами африканисты смотрели на него как на патриарха. На коллективной фотографии африканистов в 1934 г. он сидит в центре между Снегиревым и Ольдерогге. А в 1937 г. его исключили из партии и арестовали. Правда, совсем вскоре выпустили, но на прежнюю работу путь ему был заказан.

После разгрома Коминтерна остались в живых и на свободе лишь несколько африканистов — лингвисты, в основном ленинградцы. Те, кто не занимались политическими и социально-экономическими проблемами. Например, Д. А. Ольдерогге, который

<sup>14</sup> Документы внешней политики СССР, т. XIX. М., 1974, с. 108.

начал с изучения древнеегипетского языка, к 1936 г. опубликовал лишь маленькие статьи о Черной Африке: «Глиняные фигурки из Юго-Западной Абиссинии», «Женская фигурка племени бага», «Выставка абиссинских коллекций (краткий путеводитель)». Естественно, такие статьи не могли привлечь особого внимания высокого партийного начальства.

В сфере африканистики продолжали работать: Николай Владимирович Юшманов, Игорь Леонтьевич Снегирев, преподавательница амхарского языка Тамара Леонидовна Тютрюмова. Но и они, очевидно, стремились не быть «на виду». Ольдерогге в 1938–1945 гг. не опубликовал ни одной работы.

Юшманов умер в 1946 г., Снегирев, повоевав в Отечественную войну, все же попал в ГУЛАГ, где погиб в том же 1946 г. Тютрюмова никогда не претендовала на сколько-либо видную роль. Вот и оказалось, что в 1948 г., когда я студентом решил податьсь в африканистику, она была, в сущности, представлена одним именем — Д. А. Ольдерогге. И. И. Потехину, хотя он, уже демобилизовавшись после войны, в 1947 г. вернулся на стезю африканистики, нужно было еще какое-то время, чтобы укрепиться на ней после многолетнего перерыва.

Э. Шик повезло. Правда, в партии его не восстановили, но после освобождения из Лубянки он, хоть и не сразу, получил работу в Институте истории Академии наук, а затем, с 1943 г., — в Институте этнографии. Работал вместе с востоковедами: А. А. Губером, И. М. Рейснером, Г. С. Кара-Мурзой, В. Б. Луцким, А. Ф. Мюллером, Б. Н. Захадером, Н. М. Гольдбергом. Вместе с ними подготовил «Новую историю колониальных и зависимых стран». Э. Шик написал там разделы о Черной Африке. «Новая история» вышла в 1940 г. «Новейшая» была закончена летом 1941 г., но так и не была издана: война, не до того было.

Но большие главы Э. Шика послужили основой для первых двух томов четырехтомника «История Черной Африки». Весь огромный четырехтомник, одна из первых изданных в мире «Историй Черной Африки», основана на знаниях и подходах, освоенных Э. Шиком в Москве. Сперва — в африканистике, а затем в общении с самыми одаренными востоковедами.

Разве это не показатель тех достижений, которые накапливали первые отечественные африканисты? Ведь начинали они буквально с нуля. Большинство из них ничего не знало об Африке, да и вообще не имели опыта научной работы. А все-таки что-то смогли, научились. И это несмотря на то, что поставленные перед ними советской властью задачи были не только невыполнимыми, но и просто бессмысленными: содействовать подготовке народов Африки к мировой пролетарской революции.

Эти люди могли помочь дальнейшему становлению африканистики. Но их убрали со сцены. Даже физически — расстрелами. Их опыт был зачеркнут.

Затем, с 1937-го до осени 1956-го, в африканистике развивалось в сущности только языкознание. Изучения социально-политических проблем не было. Так что пришлось ждать, пока советская власть снова поймет необходимость в африканистике. И ее второе рождение произошло через два десятилетия — осенью 1956 г.

\* \* \*

...Таково начало истории отечественной африканистики. Многие ли сейчас знают, что кафедра африканистики была в Москве еще в начале 1930-х и в ее работе участвовало немало сотрудников? Что в Москве был центр по сбору сведений, нужных для африканистов? Что в Москву приезжали учиться африканцы из ряда африканских стран?

О том первом периоде отечественной африканистики и о тех, кто ее создавали, можно с грустью сказать словами всемирно известного американского романа: «Унесенные ветром». Даже память о том прошлом была сметена, как и о многих событиях

чудовищного 1937-го. Те, кто выжили, — боялись вспоминать. Да и воспоминания-то уж очень тяжелые, страшные. Вот и получилось, что в объемистом томе «Народы Африки», изданном под редакцией Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина в конце 1954 г., уже после смерти Сталина, не упомянуты ни работы тех прежних лет, ни имена погибших. Ольдерогге, Потехин и никто, из переживших те годы, так и не оставили воспоминаний.

Э. Шик издал в Венгрии незадолго до смерти, уже в 1970-х, мемуары о том времени, но не об африканистике, а прежде всего о судьбах своих соотечественников, венгерских эмигрантов в Москве.

Что-то все же удалось воссоздать<sup>15</sup>, но далеко-далеко-далеко не все, что нам надо бы знать о наших предшественниках, их научных подходах, достижениях, трудностях, заблуждениях. Об их трагических судьбах.

В память о рождении отечественной африканистики стоило бы поставить мемориальные доски: на том доме на Тверском бульваре, где возникла первая в нашей стране кафедра Африки. На том здании в конце Пушкинской площади, где был центр сбора информации об Африке. На той гостинице на Тверской (когда-то ее называли «Люкс», а теперь — «Центральная»), где жили приезжие африканцы. Вряд ли это будет сделано. Но даже сам взгляд на эти здания — не поможет ли нам задуматься о тех забытых событиях?

### Библиография

Африканское языкознание в России. 30-е годы. М., 1999.

Документы внешней политики СССР, т. XIX. М., 1974, с. 108.

Зусманович А., Потехин И., Том Джексон. Рабочее движение и принудительный труд в негритянской Африке. М., 1933.

Коминтерн и Африка. Документы. Составитель В. Городнов, отв. ред. А. Давидсон. СПб., 2003.

Насонов Н. Расовая проблема и марксизм в понимании тов. Шийка. — Революционный Восток, № 9—10, 1930, с. 331.

Становление отечественной африканистики. 1920-е — начало 1960-х. М., 2003.

Шийк А. Замечания на «критику» т. Насонова. — Революционный Восток, № 9—10, 1930, с. 334.

Шийк А. Расовая проблема и марксизм. М., 1930.

Шийк А. Аграрная политика империалистов в черноафриканских колониях. — Аграрные проблемы. М., 1932.

Шийк А. Аграрный вопрос в ЮАС. — Аграрный вопрос на Востоке. М., 1933.

Шийк А. Аграрный кризис в негритянской Африке. — Аграрный кризис, кн. 4. М., 1933.

Юг. Империализм на Черном континенте. М., 1929.

Юг. Британские колонии в Восточной Африке. М., 1931.

Юг. Южно-Африканский Союз. М., 1931.

### References

African linguistics in Russia. 30-s years. Moscow, 1999. (In Russ.)

Documents foreign policy of the USSR, vol. XIX. Moscow, 1974, p. 108. (In Russ.)

Zusmanovich A., Potekhin I., Tom Jackson. Labor movement and forced labor in black Africa. Moscow, 1933. (In Russ.)

Comintern and Africa. Documents. Compiled by V. Gorodnov, отв. ed. A. Davidson. Saint-Petersburg, 2003. (In Russ.)

<sup>15</sup> Прежде всего коллективные труды: «Становление отечественной африканистики. 1920-е — начало 1960-х» (М., 2003); «Африканское языкознание в России. 30-е годы». (М., 1999).

- Nasonov N.* The racial problem and Marxism in the understanding of Comrade. Shiyka. — Revolutionary East, № 9–10, 1930, p. 331. (In Russ.)
- The formation of domestic Africanism. 1920-e — early 1960-x. Moscow, 2003. (In Russ.)
- Shiyk A.* Remarks on the «criticism» of Comrade Nasonov. — Revolutionary East, № 9–10, 1930, p. 334. (In Russ.)
- Shiyk A.* The Race Problem and Marxism. Moscow, 1930. (In Russ.)
- Shiyk A.* Agrarian policy of the imperialists in the black African colonies. — Agrarian problems. Moscow, 1932. (In Russ.)
- Shiyk A.* The Agrarian Issue in South Africa. — The agrarian question in the East. Moscow, 1933. (In Russ.)
- Shiyk A.* The Agrarian Crisis in Negro Africa. — Agrarian crisis, vol. 4. Moscow, 1933. (In Russ.)
- South.* Imperialism on the Black Continent. Moscow, 1929. (In Russ.)
- South.* British colonies in East Africa. Moscow, 1931. (In Russ.)
- South.* South-African Union. Moscow, 1931. (In Russ.)